

П. МУСЬЯКОВ

НА ЗАЩИТЕ СЕВАСТОПОЛЯ

Государственное издательство
политической литературы

1943

178836
93887/1

ГЕРОИЧЕСКИЕ ЗАЩИТНИКИ МОСКВЫ
И ТУЛЫ, ОДЕССЫ И СЕВАСТОПОЛЯ,
ЛЕНИНГРАДА И СТАЛИНГРАДА ПОКА-
ЗАЛИ ОБРАЗНЫ БЕЗЗАВЕТНОЙ ХРАБ-
РОСТИ, ЖЕЛЕЗНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ,
СТОЙКОСТИ И УМЕНИЯ ПОБЕЖДАТЬ.
ПО ЭТИМ ГЕРОЯМ РАВНЯЕТСЯ ВСЯ
НАША КРАСНАЯ АРМИЯ.

И. Сталин

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Береговая оборона</i>	<i>10</i>
<i>Приморская армия на защите Севастополя</i>	<i>19</i>
<i>Лётчики осаждённого города</i>	<i>25</i>
<i>На кораблях</i>	<i>31</i>
<i>Город-герой</i>	<i>35</i>

то было ночью 22 июня 1941 г. Город уже спал, когда раздался протяжный тревожный гудок Морского завода.

— Гарнизонная тревога!

Люди ещё не верили, что это война. Мало ли учебных тревог бывало в Севастополе. Не сразу поверили даже час спустя, когда могучие прожекторы разрезали ночное небо и в их лучах матовым блеском засверкали плоскости больших самолётов. Это тоже было не ново для Севастополя. Учебные ночные стрельбы по самолётам производились не раз. Но раньше учебные самолёты ходили над морем, таская за собой брезентовый рукав на длинном тросе. Вокруг рукава рвались снаряды зенитчиков. А сейчас снаряды рвутся вокруг самолёта. Да и самолёты ведут себя необычно. Они стремятся к городу, к кораблям, стоящим на рейде. Вот один самолёт, густо задымив, вошёл в пики, и вскоре глухой звук удара об воду услышали все жители города. Это был враг. Несколько минут спустя на Приморском бульваре, осветив багровым пламенем полнеба, рванулась первая магнитная мина, сброшенная в бухту, но попавшая на берег. Вскоре на окраине города раздалось ещё несколько сильных взрывов.

Враг не смог внезапно напасть на город. Встреченный плотным огнём зенитчиков, разбросав мины как попало, он ушёл, потеряв больше половины своих самолётов.

Так для Севастополя началась война.

Севастополь — важный стратегический пункт. Это прежде всего крупный порт, расположенный почти в центре Чёрного моря. Глубокие бухты удобны для стоянки судов с

различной осадкой. Сильная береговая оборона защищала Севастополь с моря, а зенитная артиллерия и авиация — с воздуха. Советское командование знало, что такой важный порт враг не оставит в покое, и если его полчищам удастся прорваться в Крым, Севастополь будет осаждён, отрезан с суши. К этому готовились упорно и настойчиво, и эта подготовка весьма пригодилась в дни осады города.

Немецкие армии, несмотря на упорное сопротивление наших войск, в сентябре 1941 г. дошли до Днепра, форсировали его и продвигались дальше на восток. Крым оказался отрезанным от центра. К началу октября фашистские войска начали атаку перекопских позиций. Первые атаки врага были отбиты. Советские войска героически отстаивали Крым. Наши лётчики непрерывно бомбили позиции врага, уничтожая его живую силу и технику. Только за время с 18 по 26 октября действиями авиации Черноморского флота уничтожено было 80 танков, 414 автомашин, 76 орудий, сбито в воздушных боях и уничтожено на земле 148 самолётов, истреблено свыше 7 тысяч солдат и офицеров. Но немцы с каждым днём наращивали силу ударов. Сотни танков рвались в Крым, медленно тесня наши части в узком перешейке между Армянском и Ишунью. Каждый день сотни вражеских бомбардировщиков висели над передним краем нашей обороны. В ночь с 29 на 30 октября, прорвав ишуньские позиции, немецко-фашистские полчища ворвались в Крым. Тысячи автомашин, набитых пехотой, под прикрытием сотен танков рвались к Севастополю.

Фашистское командование сосредоточило против Севастополя танковую дивизию, пять пехотных дивизий, кавалерийскую бригаду, несколько отдельных полков СС, много сапёрных частей и большое количество авиации. Вся эта масса войск, поддержанная авиацией, ринулась на город.

Началась героическая севастопольская оборона, вошедшая в историю Отечественной войны Советского Союза как одна из самых ярких её страниц.

Восемь месяцев обороны Севастополя можно разделить на три периода — три штурма Севастополя фашистскими войсками. Первый штурм начался 31 октября, когда фашистские войска вошли в зону огня батарей береговой обороны, и закончился примерно к 20-м числам ноября. Конец штурма можно определить весьма условно, так как оборона была активной и бои местного значения не прекращались в течение всего периода осады города. Во вто-

рой половине ноября, потеряв на подступах к городу большое количество живой силы и техники, немцы ослабили нажим и стали создавать свои укрепления. Боясь наших контратак, они настроили сотни дзотов, отрыли окопы, землянки, вдоль всего фронта протянули в несколько рядов проволочные заграждения, минировали все дороги и лощины.

Немцы усиленно готовились ко второму штурму. Они подтянули к городу несколько новых дивизий и пополнили потрепанные старые. Вереницы поездов с оружием и боеприпасами шли к Севастополю.

Второй штурм начался 17 декабря 1941 г. Враг рассчитывал захватить город в 5 дней. 22 декабря исполнялось полугодие со времени бандитского вероломного нападения на Советский Союз. Эту дату немцы хотели отметить, захватив Севастополь. Кроме того, фашисты хотели подкрепить этим свой престиж, сильно пошатнувшийся в результате разгрома их войск под Москвой.

Солдатам было официально заявлено, что в случае взятия Севастополя они получают месячный отпуск с правом провоза неограниченного количества багажа. Под «багажом» подразумевалось, конечно, советское добро, награбленное в Севастополе.

Штурм длился до начала января и закончился для фашистов полным крахом. Потеряв только убитыми до 30 тысяч человек, немцы под контрударами наших войск были вынуждены оставить захваченные ценой огромных потерь рубежи, а на отдельных участках фронта даже отойти дальше позиций, которые они занимали в начале штурма. Так, на участке хутор Мекензия — долина реки Бельбек — немцы под ударами наших войск 2—3 января были отброшены на 8—10 километров и оставили на поле боя тысячи трупов, много оружия и различного военного имущества.

Подготовка к третьему штурму заняла у фашистов ещё более длительный период — 5 месяцев. За это время немцы стянули к городу десятки новых батарей, сотни самолётов, перебросили значительную часть войск с Керченского полуострова. К началу июня враг сосредоточил под Севастополем 7 немецких и 3 румынские пехотные дивизии, 7 отдельных немецких полков, отдельный румынский полк, до 450 танков, 787 орудий и до 900 различных самолётов. Кроме того, для действий на коммуникациях немцы сосредоточили не меньше сотни различных самолётов, включая и торпедоносцы, 20 торпедных катеров и несколько подводных лодок.

Массовые бомбёжки и артиллерийский обстрел города немцы начали ещё в конце мая, а наступление пехотными частями — утром 7 июня. Это был уже третий штурм Севастополя, стоивший немцам новых огромных потерь в живой силе и технике. Только за последние 25 дней штурма были полностью разгромлены 22, 24, 28, 50, 132 и 170-я немецкие пехотные дивизии и 4 отдельных полка, 22-я танковая дивизия и отдельная мехбригада, 1, 4 и 18-я румынские дивизии и большое количество частей из других соединений. За этот короткий период немцы потеряли под Севастополем 150 тысяч солдат и офицеров, из них не менее 60 тысяч убитыми, и более 250 танков, до 250 орудий. Более 300 немецких самолётов было сбито над осаждённым городом.

3 июля 1942 г. по приказу Верховного Командования Красной Армии советские войска оставили Севастополь.

Защитники Севастополя блестяще выполнили свою задачу, сковывая и уничтожая фашистские войска. Планы врага были сорваны во всех трёх штурмах. Фашисты надеялись ещё весной разделаться с Севастополем, чтобы освободить свои войска для весеннего и летнего наступления. Немцы потеряли под Севастополем не только сотни тысяч своих солдат и офицеров, они проиграли во времени и в темпах. Севастопольцы внесли серьёзную поправку в планы немецкого командования.

Советское Информбюро в специальном сообщении «250 дней героической обороны Севастополя» так оценивало её значение:

«Военное и политическое значение севастопольской обороны в Отечественной войне советского народа огромно. Сковывая большое количество немецких и румынских войск, защитники города спутали и расстроили планы немецкого командования. Железная стойкость севастопольцев явилась одной из важнейших причин, сорвавших пресловутое «весеннее наступление» немцев. Гитлеровцы проиграли во времени, в темпах и понесли огромные потери людьми.

Севастополь оставлен советскими войсками, но оборона Севастополя войдёт в историю Отечественной войны Советского Союза как одна из самых ярких её страниц. Севастопольцы обогатили слабые боевые традиции народов СССР. Беззаветное мужество, ярость в борьбе с врагом и самоотверженность защитников Севастополя вдохновляют советских патриотов на дальнейшие героические подвиги в борьбе против ненавистных оккупантов».

В телеграмме защитникам Севастополя товарищ Сталин

писал: «Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для всей Красной Армии и советского народа». Такую высокую оценку могли заслужить только люди беззаветной храбрости, железной стойкости и высокого воинского умения. Такими и были бойцы, командиры и политработники, защищавшие Севастополь от фашистских орд. Они не посрамили боевой славы своих предков — Нахимова, Корнилова, Истомина, матроса Петра Кошки и многих других славных воинов, защищавших город 86 лет тому назад.

В середине прошлого столетия, в дни первой обороны Севастополя, артиллерийский поручик и будущий великий русский писатель Лев Николаевич Толстой писал: «В русском, настоящем русском солдате никогда не заметите хвастовства, ухарства, желания отуманиться, разгорячиться во время опасности: напротив, скромность, простота и способность видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты его характера».

Эти черты характера русского человека ещё более ярко проявились во второй обороне Севастополя, в 1941—1942 гг. Защитники города-героя знали, что немецко-фашистские разбойники, ступившие на их родную землю, несут смерть и порабощение советским народам, что дело идёт о судьбах родины. Они знали, что злобный и коварный враг на своих штыках несёт нашему народу угнетение, неисчислимые страдания, смерть и позор рабства. Вот почему краснофлотцы и красноармейцы, командиры и политработники, жители осаждённого города, не щадя своих сил и самой жизни, дрались с наглым, вооружённым до зубов врагом. Всех их — от руководителей обороны до рядовых бойцов — объединяло единое чувство горячей любви к родине и жгучей ненависти к подлому и коварному врагу.

В этой брошюре мы хотим рассказать о славных боевых делах защитников Севастополя, о пехотинцах, артиллеристах, моряках и лётчиках, грудью отстаивавших великий русский город в незабываемые дни героической севастопольской обороны.

БЕРЕГОВАЯ ОБОРОНА

Первый удар врага с суши приняла на себя береговая оборона Севастополя. В состав береговой обороны морских баз обычно входят береговые батареи крупных, средних и мелких калибров, зенитная артиллерия, сапёрные части, подразделения связи и стрелковые части прикрытия артиллерийских точек. Такой примерно была и береговая оборона Севастополя, блестяще показавшая себя в суровые дни осады города.

Когда немцы вошли в зону действия артиллерии Севастополя, первой встретила врага батарея старшего лейтенанта Заика. Эта батарея ещё на дальних подступах к городу уничтожила десятки автомашин с немецкой пехотой и подожгла несколько танков. Весь день 30 октября мужественные батарейцы дрались с вдесятеро сильнеешим противником. Враг бросал в атаку танки, сотни автоматчиков, но успеха не добился. Танки горели, подожжённые меткими залпами орудий, автоматчиков истребляли огнём артиллерии и стрелкового оружия. В этот день дрались с немцами все, кто был на батарее, даже жёны командиров. Под руководством младшего командира они занимали сектор обороны и огнём винтовок и трофейных автоматов уничтожили немало вражеских солдат и офицеров. Славные батарейцы держались до последнего патрона, а когда боезапас был весь израсходован, они взорвали уцелевшие две пушки и, с боем прорвав окружение, пробрались к Севастополю.

На другой день, 31 октября, передовые немецкие части вошли уже в зону огня нескольких передовых батарей

севастопольской морской базы. Двигаясь густыми колоннами грузовиков и танков, гитлеровцы надеялись сразу же ворваться в город. Но враг был жестоко наказан за свою наглую самоуверенность. Как только немцы приблизились к наблюдательным постам 10-й береговой батареи, корректировщики сообщили на командный пункт координаты немецких колонн. Командир батареи капитан Матушенко быстро открыл огонь. Немцы были накрыты первыми же залпами батареи, и тяжёлые снаряды стали взрываться среди танков и грузовиков. С тупой самоуверенностью рвались фашисты к городу, даже не рассредоточиваясь по шоссе. Батарея капитана Матушенко в течение двух-трёх часов уничтожила несколько десятков танков и свыше сотни грузовиков с боеприпасами и пехотой.

В этот же день ещё больший урон нанесла врагу тяжёлая башенная батарея капитана Александра. 12-дюймовые пушки этой батареи производили страшное опустошение среди немецких колонн. Враг не рассчитывал, что артиллеристы Севастополя на таком расстоянии достанут его колонны, густо заполнившие дороги от Бахчисарая до Мекензиевых гор. Немцы совершенно не ожидали (это показывали все пленные, взятые в те дни), что дороги, идущие в ущельях, могут быть так метко пристреляны нашей артиллерией, и не принимали почти никаких мер предосторожности. Колонны немецких грузовиков, бронемашин и танков шли очень густо, с малыми интервалами, противоречащими даже уставам немецкой армии. И вот, когда полутонные снаряды стали рваться на шоссе и от их взрывов взлетали на воздух танки и автомашины, немцы сообразили, что попали в ловушку.

Пленный немецкий ефрейтор рассказывал, что вначале немцы не могли понять, откуда летят снаряды. Они даже думали, что это бомбёжка, и пытались палить в воздух. Но четырёхкратные взрывы с методической точностью следовали один за другим. Тогда лишь, по словам пленного, догадались немцы, что это бьёт тяжёлая 4-орудийная батарея. Откуда она бьёт и как с ней бороться, немцы не знали и, конечно, не могли ей противодействовать. Корректировщик этой батареи, сидевший на горе в нескольких сотнях метров от шоссе, так умело управлял огнём, что длинная колонна немцев была закупорена и спереди и сзади. После нескольких залпов по концам этой колонны выход из лощины был закрыт, и немцы заматались, как крысы в мышеловке. По сторонам шоссе были крутые скаты, непреодоли-

мые для автомашин. Немецкая колонна, попаршая в лощину, была обречена на гибель. Батарея капитана Александра в течение 31 октября и 1 ноября уничтожила до сотни вражеских танков, свыше 300 автомашин и несколько тысяч немецких солдат. Партизаны и местные жители, побывавшие в этих местах, сообщали впоследствии, что шоссе было завалено разбитыми танками и грузовиками, что немцы целую неделю хоронили убитых.

Батарея Александра стойко держалась до последнего дня осады Севастополя. Немцы сбросили на неё свыше тысячи тяжёлых авиабомб и выпустили по ней несколько тысяч снарядов. Против этой батареи фашисты впервые в военной истории применили огромные 24-дюймовые гаубицы. Снаряд этой гаубицы — длиной около 3 метров и весом свыше 2 тонн. Под огнём врага славные артиллеристы чинили вышедшую из строя технику, по ночам заменяли сложные детали, чтобы утром снова бить по фашистским войскам.

Немцы не раз хвастливо заявляли, что подавили эту батарею. Они обманывали своих солдат, посылая их в атаку на город. Но стоило врагу показаться в зоне наблюдения корректировщиков батареи, как тяжёлые снаряды немедленно обрушивались на головы фашистов. «Перед тем как идти в атаку, — рассказывал пленный солдат 132-й немецкой пехотной дивизии Иоганн Кнейдер, — офицеры объявили нам, что вся русская артиллерия под Севастополем уничтожена. Но, увы! Стоило нам двинуться вперёд, земля содрогнулась от грома русских орудий. Мы потеряли в течение получаса около 100 человек убитыми и не менее 200 ранеными. Целый день советские пушки не давали нам поднять головы».

В середине июня, когда фронт придвинулся ближе к Севастополю и немцы уже заняли Северную сторону, батарея Александра оказалась в тылу у врага. Но и в окружении ещё свыше двух недель держались славные артиллеристы, пока не вышли у них все снаряды и патроны. Много раз предлагали немцы батареям, засевшим в бетонных казематах, сдаться. Но на предложения врага советские моряки отвечали огнём. Когда же иссяк боезапас, артиллеристы взорвали батарею. Среди дымящихся развалин на месте бетонных укреплений немцы не нашли никого в живых.

Береговые батареи Севастополя нанесли немцам огромный урон. Но без пехотной поддержки они не смогли бы, конечно, удерживать город. Поэтому в первые же дни обороны были созданы батальоны морской пехоты, которые и

заняли оборону вокруг города. В составе батальонов дрались краснофлотцы, списанные с кораблей, курсанты школ младших специалистов и военных училищ, находящихся в Севастополе. На эти немногочисленные батальоны и легла основная тяжесть обороны в первые дни осады Севастополя, пока не подошли части Приморской армии. Неувядаемой славой покрыли себя морские пехотинцы.

В морскую пехоту просились многие военные моряки. Краснофлотец одного из крейсеров Черноморского флота т. Симоньян так выразил своё желание идти в отряд морской пехоты:

«Я — котельный машинист. Моя боевая задача — держать ровное горение нефти, не дымить и не снижать давления пара в котле. Всё это важно и нужно, это я понимаю. Пар моего котла даёт движение различным машинам, приборам, оружию. Пушки нашего крейсера неплохо бьют по фрицам. Это всё хорошо. Но мне хочется поглядеть на врага своими глазами, убить его своими руками, из своего личного оружия».

Бить врага своими руками — это желание сквозит во всех заявлениях. А когда командиры и краснофлотцы уходили в батальоны морской пехоты, их обычно провожал весь экипаж корабля. Товарищам, остающимся на корабле, краснофлотцы давали клятву и на суше высоко держать честь родного корабля.

Стойко дрались под Севастополем курсанты артиллерийского училища имени ЛКСМ(У). Курсантский батальон в первые дни осады держал оборону против целой немецкой дивизии. Восемь дней дрались курсанты. Половина их легла на подступах к родному городу, но немцы потеряли за это время не меньше половины дивизии. Образец мужества и бесстрашия показал курсант Мальцев. Во время очередной контратаки курсантов на Мальцева навалилось с десяток немцев. Курсант принял неравный бой. Трех гитлеровцев он заколол штыком, двоих свалил прикладом, но один из сбитых им немцев внезапно поднялся и схватил Мальцева за ноги. Курсант споткнулся и упал. Пятеро фашистов навалились на него, пытаясь захватить живьём. Мальцев выхватил из-за пояса последнюю гранату и взорвал себя и насевших на него немцев.

Бригада морской пехоты под командованием полковника Жидилова, пройдя с боями свыше 200 километров, вышла из окружения и сразу же заняла оборону на ответственном участке севастопольского укрепленного района. Эта бригада храбро дралась с врагами в течение сех восьми месяцев

осады Севастополя. Командование направляло бригаду на самые ответственные участки обороны, и везде отважно дрались морские пехотинцы, нанося огромные потери врагу. Командир бригады полковник Жидилов (ныне генерал-майор), комиссар бригады Ехлаков, начальник политотдела полковой комиссар Ищенко — весь командный и политический состав проявил исключительное мужество, стойкость и умение драться с врагом в труднейших условиях. Личный состав бригады понёс значительные потери. Прибывали новые пополнения, но и молодые бойцы, приходившие в бригаду уже в период второго и третьего штурмов Севастополя, не уронили чести бригады. Зачастую трудно было отличить молодого, только что пришедшего бойца от бывалого воина, выдержавшего десятки, даже сотни бешеных фашистских атак.

Во время второго штурма Севастополя батальоны бригады выдерживали по 10—15 вражеских атак в день. На каждую атаку морские пехотинцы обычно отвечали сокрушительными контратаками. Враг, ценой огромных потерь захвативший несколько окопов, отбрасывался на прежние позиции. Краснофлотцы этой бригады говорили: «Моряки дерутся до последнего человека, а последний человек — до последней капли крови». Эта простая формула правдиво и ярко рисует нам облик советского воина.

Хорошо дрались с врагом все части морской пехоты: Одинаково мужественно и стойко сражались они зимой, когда мокрый снег залеплял глаза и в окопах стояли лужи воды, и в жаркие летние дни третьего штурма Севастополя. Бесчисленны примеры изумительной боевой доблести, мужества, умения, проявленных в боях морскими пехотинцами.

Младший командир Ной Адамия отлично овладел искусством меткой стрельбы. Каждый его выход «на охоту» обходился немцам в несколько убитых и раненых солдат и офицеров. Но особо отличился Адамия в последние дни обороны Севастополя. За шесть дней он уничтожил до 200 фашистских солдат и офицеров, поджёг танк и вместе с небольшой группой разведчиков отбивал десятки атак вражеской пехоты. Засев в дзоте с одиннадцатью краснофлотцами, Адамия задержал наступление целого батальона немцев. Фашисты не могли пройти зону, обстреливаемую из дзота. Они уже потеряли десятки своих солдат и офицеров, и все их атаки заканчивались поспешным отходом в свои окопы. Рассвирепевшие фашисты выкатили пушку и пытались прямой наводкой расстрелять дзот. Но и это не удалось. Адамия неза-

метно, боковым ходом сообщения, выполз из дзота, подобрался поближе к пушке и в несколько минут перебил весь её расчёт. Немцы выслали новый орудийный расчёт, но и он был уничтожен. Фашисты решили утащить пушку на закрытую позицию. Немецкие солдаты стали поодиночке подбираться к ней, чтобы зацепить канатом и утащить в укрытие. Но все они падали, сражённые меткими пулями снайпера Адамия. Только с наступлением темноты группа краснофлотцев, возглавляемая Адамием, отошла на другой рубеж.

Ной Адамия погиб в боях за Севастополь. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Группа сапёров, возглавляемая старшим лейтенантом Пехтиным, долго удерживала участок обороны. Командир Пехтин умело расставил людей. Немцы, атаковавшие этот участок фронта, понесли огромные потери и долго не могли двинуться вперёд. Пехтин был тяжело ранен осколком мины в голову. Перед смертью он написал письмо: «Я отдаю свою жизнь за Страну Советов, за нашего мудрого и родного товарища Сталина. Друзья, отгоним врага от нашего города-героя Севастополя. Пусть каждый из нас станет героем севастопольской обороны. Отомстите за мою смерть. Смерть и только смерть немцам-оккупантам. Помните Сашку Пехтина!»

Сержант Войтенко с семью бойцами отбивал ожесточённую атаку целой фашистской роты, забрасывая гитлеровцев ручными противотанковыми гранатами. Войтенко осколком ранило в лоб. Он сам перевязал себе рану и продолжал бросать гранаты в немцев. Из семи бойцов его отделения оставалось уже только четверо. Войтенко снова был ранен, в правую руку. Товарищи перевязали ему рану, но сержант не ушёл в тыл, а продолжал драться, левой рукой бросая гранаты в наступающих немцев. В этой схватке отделение сержанта Войтенко уничтожило 75 фашистов, из них не менее 30 уничтожил сам Войтенко.

Зенитчикам 1-го гвардейского зенитного полка приходилось не только драться против воздушного врага, но и отбиваться от наземных фашистских войск. Позиции зенитных батарей, окружавших Севастополь, зачастую находились как в зоне артиллерийского и миномётного обстрела, так и в районе переднего края обороны. Особенно отличилась 365-я зенитная батарея, которой командовал лейтенант Воробьёв, ныне капитан, Герой Советского Союза. Батарея Воробьёва в Черноморском флоте заслуженно зовётся батареей героев. Она выдержала десятки бешеных атак фаши-

стов и нанесла им огромный урон в живой силе и технике. Во время второго штурма Севастополя зенитчикам пришлось отбиваться от целого немецкого пехотного батальона, подержанного пятью танками. В этом неравном бою, длившемся целый день, зенитчики сожгли три танка и уничтожили до 300 немецких солдат и офицеров, сами потеряв убитыми 8 и ранеными 13 человек.

Во время третьего штурма Севастополя эта батарея тоже оказалась на переднем крае обороны и в течение шести суток дралась против вдесятеро сильнеешего неприятеля. Ещё за несколько дней до начала третьего штурма немцы усиленно бомбардировали город и окружавшие его позиции. Высота, занимаемая батареей Воробьёва, была очень выгодной в тактическом отношении. Она господствовала над местностью, и обладание этой высотой позволяло простреливать прямой наводкой часть Северной бухты и почти всю Северную сторону в районе Братского кладбища и пристани. Немцы, желая подавить огонь зенитной батареи, сбросили на её огневые позиции сотни тяжёлых авиабомб. Но ни одно орудие не было выведено из строя. Вся земля вокруг батареи была вспахана бомбами и снарядами. Зенитчики понесли некоторые потери в живой силе, но батарея оставалась боеспособной. 4 июня был тяжело ранен командир батареи старший лейтенант Воробьёв. Командование батареей принял его помощник лейтенант Матвеев. Утром 9 июня был тяжело ранен и лейтенант Матвеев. Осколком крупного снаряда ему оторвало кисть руки. Матвеев потерял много крови, но продолжал руководить боем в течение всего дня. Только поздно вечером он сдал командование старшему лейтенанту Пьянзину и уже в полубессознательном состоянии был отправлен в лазарет.

В течение 10—13 июня личный состав этой батареи, руководимый старшим лейтенантом Пьянзиным и старшим политруком Уваровым, отбивал атаки двух немецких батальонов, поддержанных десятью танками. За эти три дня зенитчики истребили свыше 500 немецких солдат и офицеров. Батареицы дрались, как львы. Они дали клятву до последней капли крови отстаивать позиции батареи, но не пускать врага на высоту. Когда враг ценой огромных потерь ворвался на высоту и занял орудийный дворик, оставшиеся в живых раненые зенитчики послали своему командованию последнюю радиограмму: «Отбиваться нечем. Личный состав почти весь выбыл из строя. Просим открыть массированный шрапнельный огонь по нашей позиции, по нашему командному пункту».

Старший лейтенант Пьянзин (ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза) и горстка оставшихся в живых защитников батареи меньше всего думали о себе. Их помыслы были сосредоточены на одном — истребить как можно больше гитлеровцев, выполнить приказ командира, приказ родины. Четыре соседних батареи обрушили огонь своих орудий по высоте, разрывая в клочья немцев, поджигая их танки, сметая всё живое. Не выдержав огня батарей, враг скатился с высоты. Из полуразрушенных дзотов выползло несколько раненых краснофлотцев. Они добрались до наших позиций и рассказали о последнем бое защитников героической батареи.

Комсомолец краснофлотец Александр Чекаренко вместе с группой краснофлотцев оборонял склад боеприпасов вблизи Севастополя. Много фашистов полегло от метких пуль краснофлотцев, но таяли и силы защитников склада. Командование приказало взорвать склад и пробиваться из окружений. Заложив в груды пороха толковые шашки с часовыми механизмами, краснофлотцы стали пробиваться к своим. Но Чекаренко заметил, что немцы успеют ворваться в штольню раньше, чем сработают часовые механизмы. Как быть? Решение созрело мгновенно. Чекаренко заявил товарищам: «Вы, ребята, пробивайтесь, а я вернусь в штольню. Когда склад взлетит на воздух, помяните меня добрым матросским словом». И пошёл навстречу смерти. Немцы уже толпились у входа в штольню, не решаясь зайти туда. Разогнав их гранатами и огнём автомата, Чекаренко проник в склад. Немцы бросились за ним, но, встреченные очередью из автомата, залегли. Чекаренко добрался до часового механизма. Вскоре склад боеприпасов вместе с двумя сотнями немцев взлетел на воздух. Страшный взрыв потряс город. Комсомолец Чекаренко с честью выполнил свой долг перед родиной.

Четверо краснофлотцев во главе с политруком Николаем Фильчино обороняли небольшой участок фронта. На этот участок немцы бросили семь танков. Противотанковой артиллерии близко не было, связь с береговыми батареями была прервана. Вражеским бронированным машинам моряки могли противопоставить только ручное оружие, гранаты и бутылки с горючей жидкостью.

Начался неравный бой пяти моряков с фашистскими танками. Подпустив их поближе, моряки открыли меткий огонь по смотровым щелям и амбразурам танков. Краснофлотец Василий Цыбулько подполз совсем близко к головному танку и сквозь смотровую щель застрелил водителя. Машина

остановилась. Цыбулько подполз ещё ближе и поджёт танк горючей жидкостью. Вскоре запылали ещё два танка. Остальные четыре, бешено отстреливаясь, ушли обратно.

Но вскоре враг бросил на этот участок уже пятнадцать танков. Моряки обнялись, простились и решили дорогой ценой отдать свою жизнь, но не уходить с рубежа. Рассредоточившись по окопам, моряки стали ждать приближения вражеских танков. Вот головная машина, грузно переваливаясь через окопы, приблизилась к политруку Фильченко. Резкий взмах руки, и рыжие космы пламени заплясали на бронированном корпусе фашистской машины. Два соседних танка поспешили на помощь, но вскоре один из них, объятый пламенем, с перебитой гусеницей, закружился на месте.

Вражеские танки бешено обстреливали моряков. Неглубокие окопчики плохо укрывали краснофлотцев. Вот упал с перебитым плечом Василий Цыбулько. Напрягая последние силы, он сумел взорвать связкой гранат ещё один танк и, получив новое ранение, упал без сознания. Погиб краснофлотец Иван Красносельский. Его смерть стоила врагу двух сожжённых танков. Немцы стали осторожнее. Танки уже не подходили близко к окопам и вели огонь на расстоянии дальнего броска гранаты.

Когда уже не осталось патронов, раненый политрук Фильченко, обвязавшись гранатами, встал и пригнувшись побежал к ближнему танку. Фильченко бросился под вражеский танк и взорвал его вместе с собой. Мужественный воин пошёл на смерть во имя родины. Его поступок видели краснофлотцы Юрий Паршин и Даниил Одинцов. Они молча пожали друг другу руки и повторили подвиг своего командира. Ещё два вражеских танка взорвались.

Немецкие танкисты повернули обратно, хотя сопротивляться уже было некому. Автоматчики, сопровождавшие танки, разбежались. А когда на помощь храбрым воинам пришли бойцы соседнего подразделения, они увидели на месте схватки десять горящих развороченных танков.

Так дрались военные моряки береговой обороны.

ПРИМОРСКАЯ АРМИЯ НА ЗАЩИТЕ СЕВАСТОПОЛЯ

В погожий осенний день на Севастопольском рейде появилось несколько транспортов с войсками. Юркие буксиры быстро растащили транспорты к пристаням. По улицам города потянулись стройные колонны красноармейцев. Бойцы были в запыхлённых, пропотевших гимнастёрках, сапоги забрызганы грязью, но шинели ладно и удобно лежали на плечах. Всё было на месте, всё прилажено так, как полагается опытным воинам на походе. Военные люди сразу определяли: эти побывали в боях, нюхали порохи..:

Да, эти воины бывали в боях. Они разгромили под Одессой свыше десятка вражеских дивизий. Они прямо из окопов, из блиндажей и дзотов пришли на корабли, с тем чтобы, проделав небольшой переход морем, снова драться, бить врага ещё сильнее, чем под Одессой.

Из Севастополя Приморская армия направлена была в северную часть Крыма, на помощь нашим частям, дравшимся на Перекопе. Но не успели приморцы по-настоящему развернуться, как вражеские полчища форсировали ишуньские позиции и ворвались в Крым. А в степной части Крыма Приморская армия не смогла уже сдерживать бешеный натиск сотен танков врага и медленно стала отходить к югу. Немцы не раз пытались расчленивать приморцев, разбить их по частям. Но это не удалось врагу. Он встретил закалённых, обстрелянных бойцов, умело и стойко дравшихся под Одессой. Танки врага встречали сокрушительный огонь артиллерии

и бронбойщиков и быстро отваливали в сторону, а пехота немцев без танкового прикрытия не могла нанести приморцам крупный урон. Командующий Приморской армией генерал-майор Петров умело вывел свои войска из-под фланговых ударов врага и привёл их к Севастополю.

С приходом приморцев силы обороняющихся намного выросли. Враг уже не мог и мечтать о захвате города в течение нескольких дней. Полки Приморской армии заняли оборону вокруг Севастополя вместе с частями морской пехоты. Красноармейцы и краснофлотцы, так же как и у Одессы, плечом к плечу встали на защиту родного города. В суровых сражениях крепла боевая дружба красноармейцев и краснофлотцев. Они помогали друг другу воевать, вместе учились драться, бить врага без промаха, наверняка. Драться же было нелегко и тем и другим. Красноармейцы ещё не имели опыта горной войны, а военные моряки вообще ещё не воевали на суше. Поэтому красноармейцы учили военных моряков маскироваться, окапываться, умело переползать, скрытно ходить в разведку. Краснофлотцы показывали пример стойкости, находчивости и смекалки в бою. Совместные контратаки краснофлотцев и красноармейцев были страшными для врага. Фашисты не выдерживали могучих штыковых ударов.

В боях за Севастополь особенно отличился артиллерийский полк под командованием подполковника Богданова. Красноармейцы этой части метким артиллерийским огнём уничтожили свыше сотни вражеских танков и несколько тысяч гитлеровских солдат и офицеров. Они подавили десятки вражеских артиллерийских и миномётных батарей. Слава полка росла с первых дней войны. Он с боями прошёл до Одессы. Под Одессой славные артиллеристы разгромили несколько румынских пехотных полков и десятки батарей. И здесь, под Севастополем, они множили свою боевую славу.

Фамилия командира этой части стала нарицательным именем. «Богдановцы» — так называли бойцы и командиры других частей личный состав артиллерийского полка. Это славное имя стало символом мужества и бесстрашия, чёткости и дисциплины.

Артиллерийские батареи Богданова стояли близко от переднего края обороны, и красноармейцам не раз приходилось отбиваться отседавших немцев не только артиллерийским огнём, но и ручным оружием. Однажды на батарею лейтенанта Горохова налетело свыше двух рот немецких автоматчиков. Во главе группы красноармейцев и оказав-

шихся поблизости нескольких краснофлотцев Горохов пошёл в контратаку. Бойцы дружно ударили в штыки, метко бросали по бегущим немцам гранаты, и в течение нескольких минут на поле боя осталось до сотни вражеских трупов. Уцелевшие фашисты откатились обратно в свои окопы.

Хорошо знали богдановцев и в стане врага. Однажды в землянку к Богданову привели пленного румынского капитана. Богданов стал его расспрашивать о подробностях недавнего боя, в котором артиллеристы разгромили румынский полк. «Вы не представляете, что было там, на фронте, — рассказывал капитан. — Полковник повёл нас в наступление. Он взял полковое знамя и сам понёс его вперёд пелка. Заиграл оркестр, и мы пошли. В это время завизжали ваши снаряды и стали рваться вокруг нас. Первыми же снарядами в ключья разорвало полковника и знамя, а потом началось что-то кошмарное. Кажется, мы снова попали под артиллерию Богданова. Да, да, Богданова. Этот господин Богданов не даёт нам покоя вот уже второй месяц».

На командный пункт к Богданову приехал как-то наш лётчик. Он рассказал, что недавно его самолёт был подбит вражескими зенитками. Выбросившись с парашютом, лётчик приземлился на территории, занятой фашистами. Долго отбивался, пока были патроны, потом был ранен и взят в плен, но затем ему удалось бежать. На допросах немцы, то подвергая лётчика жестоким пыткам, то предлагая ему огромные суммы денег, пытались разузнать у него, где стоят батареи Богданова, где его командный пункт.

— Видно, здорово вы им насолили, если они вами так интересуются, — закончил лётчик свой рассказ. — Вот теперь я знаю, кто такой Богданов. Разрешите, товарищ подполковник, ещё раз позвать вам руку, — взволнованно сказал лётчик, прощаясь.

Отважно дралась с врагом Чапаевская дивизия, входившая в состав Приморской армии. Чапаевцы высоко держали честь своей дивизии, свято храня своё славное боевое имя. Они выдержали сотни бешеных вражеских атак. Они не раз ходили в стремительные контратаки. Чапаевцы дрались так же яростно, как и матросы, и, как показал один пленный немец, у фашистского командования даже зародилось подозрение, не переодетые ли это матросы под названием чапаевцев.

Однажды чапаевцы вели тяжёлые оборонительные бои. Немцы, несмотря на огромные потери, упорно лезли вперёд, стремясь захватить окопы чапаевцев. Нужен был сокруши-

тельный контрудар, чтобы подавить активность врага. Под прикрытием береговой батареи и кораблей полк Чапаевцев ночью пошёл в атаку. Зелёные зарницы непрерывно освещали горизонт. Тяжёлые снаряды с протяжным рокотом неслись через головы бойцов к немцам. Красноармейцы короткими перебежками продвигались к вражеским окопам. Когда до немецких окопов оставалось несколько сот метров, враг открыл бешеный заградительный огонь из орудий и миномётов. Роты залегли, отдельные взводы стали медленно отползать назад. Тогда лейтенант Руденко поднялся во весь рост и устремился вперёд, подбадривая бойцов. В грохоте боя слышался голос Руденко: «Чапаевцы! Перед кем носы повесили? Вперёд, ребята, вперёд, родные!» Поднялись бойцы и пошли вперёд. Кто-то крикнул: «За родину, за Сталина!» и этот могучий призыв поднимал всё новые и новые шеренги воинов. Могучее «ура» заглушило шум боя. Руденко шёл впереди роты. Он был ранен, но сам перевязал рану и снова побежал, обгоняя роту, чтобы быть впереди. Вот и первая линия немецких окопов. Короткая штыковая схватка. Хрипы и стоны. Треск автоматов, глухие взрывы ручных гранат. Немцы бьют из пулемётов по наступающим. Руденко меткими очередями из автомата подавляет огневые точки врага. Но вот он зашатался и стал медленно опускаться на землю.

— Товарищ лейтенант, вы ранены? — спросили подбежавшие красноармейцы.

Но раненый командир поднялся и снова рванулся вперёд, увлекая за собой роту.

Славные полки Приморской армии стойко выдерживали натиск фашистских банд. На отдельные участки размером километр по фронту и 300—500 метров в глубину в течение дня фашисты бросали по пятьсот авиабомб и по тысяче снарядов. Врагу казалось, что после такой бомбёжки и артиллерийского обстрела в окопах не осталось никого живого. Но стоило фашистам двинуться вперёд, как на вспаханной бомбами и снарядами земле оживали огневые точки приморцев и косили врагов.

Много истребил фашистов славный миномётчик Герой Советского Союза Владимир Симонок. Огнём его миномётной батареи уничтожено только под Севастополем до тысячи немецких солдат и офицеров. Врагу никогда не удавалось взять эту батарею под прицельный огонь, хотя Симонок выбирал огневые позиции очень близко к переднему краю.

Красноармеец Девицаров в одном из жарких сражений остался один против вражеского танка, ползущего прямо на

него. Боец повторил подвиг пяти моряков. Несмотря на бешеный огонь автоматчиков, сидевших на танке, он подобрался поближе к вражеской машине и, обвязавшись гранатами, бросился под гусеницы. Последовал взрыв пяти противотанковых гранат. Вражеская машина была разрушена.

Тысячи воинов Приморской армии покрыли себя неувядаемой славой. Железная стойкость в бою, выдержка и умение — эти характерные для Приморской армии черты со всей силой сказались в боях за родной Севастополь.

В Приморской армии проявили себя замечательные девушки нашей страны — Людмила Павличенко, истребившая свыше 300 немцев, пулемётчица Нина Анилова и отважная разведчица Мария Байда.

Комсомолка Нина Анилова пришла в Чапаевскую дивизию в дни боёв под Одессой. Ещё там она истребила десятки немцев. В одном из жарких боёв за Одессу Нину тяжело ранило. Её отправили на Кавказ в госпиталь, а оттуда медицинская комиссия направляла её в тыл. Нина горячо протестовала. Она хотела вернуться в свой полк, который к тому времени уже дрался с врагами в Крыму. Велика была радость бойцов и командиров полка, когда они узнали, что к ним вернулась славная пулемётчица Нина Анилова.

Сколько немцев истребила Анилова, трудно подсчитать. Те, кто вместе с ней воевал, считают, что она истребила не менее 2 тысяч фашистов. Она десятки раз останавливала огнём своего пулемёта атаки врага.

В одном из тяжёлых оборонительных боёв Нину снова ранило. Врачи прилагали все силы, чтобы спасти пулемётчицу, но рана была смертельна. Нина умирала. Когда об этом сообщили командующему армией, он немедленно приехал в лазарет проститься с отважной пулемётчицей. Строгий, подтянутый, седой генерал, прощаясь с умирающей Ниной, сказал ей дрогнувшим голосом:

— Повоевала ты славно, дочка. Спасибо тебе от всей армии, от всего нашего народа, — генерал поцеловал холодеющий лоб Нины и торопливо вышел, роняя скупые солдатские слёзы.

Среди личных вещей Нины Аниловой нашли томик Севастопольских рассказов Л. Н. Толстого. На полях книжки, против тех мест, где Толстой писал о чувствах и настроениях своих героев, Нина сделала пометки: «правильно», «как это верно!», «и у меня было такое же чувство!»

В тетради, куда Нина записывала свои сокровенные мысли, есть такие слова: «Не надо думать о смерти, тогда очень

легко бороться. Надо понять, за что ты жертвуешь своей жизнью. Если для красоты подвига и славы — это очень плохо. Только тот подвиг красив, который совершается во имя народа и родины. Думай о том, что борешься за свою родину, и тебе будет очень легко. Подвиг и слава сами придут к тебе».

А ещё ниже — несколько слов о Севастополе: «Слава русского народа — Севастополь. Храбрость русского народа — Севастополь. Севастополь — это характер русского советского человека. Советский Севастополь — это героическая и прекрасная поэма Великой отечественной войны. Когда говоришь о нём, нехватает ни слов, ни воздуха для дыхания. Сюда бы Льва Толстого. Только такие русские львы и могли бы всё понять, эту бездну бурных человеческих страстей, пламенную ярость, ледяную ненависть, мужество и героизм под градом бомб и снарядов, доблесть в вихре пуль и неистовом лязге танков. Он придёт, новый наш Лев Толстой, и трижды прославит тебя, незабываемый, вечный наш Севастополь!»

ЛЁТЧИКИ ОСАЖДЁННОГО ГОРОДА

Когда полукольцо осады замкнулось от мыса Айя до устья реки Бельбека, у защитников города оставался по существу только один небольшой Херсонесский аэродром, расположенный на приподнятом плато и ограниченный водой. Но и этот аэродром оказался в зоне артиллерийского огня фашистских дальнобойных батарей. Два других небольших аэродрома имели только вспомогательное значение.

Под артиллерийским огнём врага, под бомбами его самолётов работали славные лётчики. Они охраняли Севастополь с воздуха, вылетали на вражеские позиции, громили фашистские аэродромы, расположенные в Крыму.

Немцы не могли подавить активность нашей авиации до последних дней осады, хотя в июне они имели уже огромное превосходство в воздухе. К началу третьего штурма — к июню 1942 г. — немцы сосредоточили на крымских аэродромах 8-й авиакорпус генерала Рихтгофена, состоявший из 650—700 самолётов. Под Севастополь были стянуты лучшие кадры фашистской авиации, накопившие большой боевой опыт в боях под Ленинградом, под Москвой и на других участках фронта. Нашим лётчикам-истребителям и зенитчикам, как правило, приходилось встречаться с отъявленными воздушными бандитами, награждёнными уже несколькими железными крестами.

Бомбёжки города до мая 1942 г. обычно заканчивались для врага потерей нескольких самолётов и бесприцельным разбрасыванием бомб. Ущерб, нанесённый военным

объектам города, был ничтожным по сравнению с затратой средств и потерями фашистской авиации. Но, готовясь к третьему штурму города, немцы с конца мая приступили к более массовым бомбёжкам по городу и переднему краю обороны. Начиная с 31 мая каждый день над городом «висели» десятки, а зачастую и сотни самолётов, бросая тысячи бомб. Только за 19 июня 1942 г. немцы сбросили на город 4700 фугасных и 38 тысяч зажигательных бомб. Возникло 550 очагов крупных пожаров и 250 мелких. Город был в огне. Тушить пожары было почти невозможно, так как водопроводные магистрали были перебиты крупными авиабомбами и пожарные краны не действовали. Под огнём фашистских самолётов и артиллерии пожарные команды при помощи краснофлотцев и жителей тушили общественные здания, подавая воду из бухты, но это были полумеры. Спасти город от пожаров могла только сильная истребительная авиация, не допускающая врага к городу. А такой авиации осаждённые уже не имели и не могли иметь. Херсонесский аэродром был тесен для большого количества самолётов, которые можно было сохранять только в крытых каменных капонирах. Держать самолёты открыто на аэродроме днём было невозможно, снаряды и бомбы падали так густо, что самолёты часто выходили из строя. Только за 24 июня по Херсонесскому аэродрому было выпущено 1230 артиллерийских снарядов и сброшено до 200 крупнокалиберных бомб, а всего по трём аэродромам немцы выпустили до 15 тысяч снарядов и свыше 3 тысяч авиабомб. Бомбы и снаряды хотя редко попадали прямо в капониры, где стояли самолёты, но так портили лётное поле, что взлетать было почти невозможно. И вот в таких условиях лётчики Севастополя дрались до последних дней осады.

Краснофлотцы, обслуживавшие группы самолётов, прилагали все силы, чтобы починить аэродром, сделать годным его взлётные площадки. И это им обычно удавалось.

Аэродром выравнивали при помощи тракторов с катками. Ямы спешно засыпали при помощи дорожных машин, а чаще — вручную и укатывали катком. Однажды утром наши бомбардировщики и штурмовики пошли на выполнение боевого задания. Аэродром, приведённый в порядок за ночь, был вполне годен для взлёта. Однако, пока наши самолёты громили позиции и аэродромы немцев, десятки вражеских самолётов налетели на аэродром и так вспахали бомбами лётное поле, что садиться на него было невозможно. Нужно было

срочно заровнять ямы и укатать хотя бы одну посадочную площадку. Младший сержант тракторист комсомолец Падалкин на тракторе с катком ровнял лётное поле, несмотря на бомбёжку и обстрел артиллерии. Ему предложили спрятаться во время особо усиленного налёта вражеской авиации, но Падалкин заявил: «Не уйду, пока не укатаю лётное поле. Скоро придут наши самолёты, где они сядут?» В наиболее напряжённый момент, когда 9 фашистских самолётов пикировали на аэродром и часто стали падать бомбы, Падалкин слез с рулевого сиденья и вполз внутрь тяжёлого катка. Взрывом бомбы разбило трактор, засыпало каток землёй, но Падалкин остался жив: массивные чугунные стенки катка выдержали удары осколков и взрывной волны, и это спасло Падалкина. После бомбёжки контуженный Падалкин взял другой трактор и к приходу наших самолётов с боевого задания укатал посадочную площадку аэродрома.

Наши истребители взлетали под огнём врага, вели воздушные бои, садились на повреждённый аэродром, быстро закатывали самолёты в капониры, заправлялись горючим, боеприпасами и снова подымались в бой. Тут же в капонирах производился и ремонт самолётов. И так почти каждый день. Лётчики-истребители Рыжов, Авдеев, Карасёв, Савва Иванов и другие в воздушных боях над городом уничтожили до трёхсот вражеских самолётов.

Младший лейтенант Иванов, молодой и смелый лётчик, в течение трёх дней сбил два «Юнкерса». Одного загнал в воду на бреющем полёте, а другому винтом отрубил хвост. Таран был настолько точным и смелым, что, разрушив вражеский самолёт, Иванов невредимым вернулся на свой аэродром. 18 ноября Иванов вылетел в обычный патрульный полёт над городом. В воздухе было тихо, но вскоре справа от Иванова появились рыжие хлопья разрывов.

Младший лейтенант круто повернул в сторону разрывов и встретил бомбардировщиков врага. Лобовой атакой Иванов разогнал строй немцев и, выбрав себе очередную жертву, напал на фашистский «Юнкерс». Немец попался хитрый и смелый. Он сбросил, как попало, за городом бомбы и стал маневрировать. Стрелок вражеского самолёта строчил по Иванову, но вскоре все наблюдавшие за боем заметили, что голубые трассы пуль, протянутые от хвоста «Юнкерса» к самолёту Иванова, пропали. Очевидно, стрелок был убит. Иванов подошёл к немцу совсем близко, и несколько секунд спустя тысячи жителей, наблюдавших за

боем, с удовлетворением заметили пламя на плоскостях «Юнкерса» и чёрный шлейф дыма. Немец круто пошёл в пике и врезался в камни на берегу бухты. Иванов пошёл за другим вражеским самолётом, прогнал его далеко в море и, боясь, что нехватит горючего, пошёл на аэродром. Но не суждено было молодому лётчику дойти до аэродрома. На пути к берегу он увидел низко над водой большую фашистскую машину «Дорнье-215». Круто спикировав на врага, Иванов прошил его последней очередью. Боезапас кончился. Немец круто повернул самолёт и стал уходить. Иванов снова пошёл на таран. Вот юркий ястребок приближается всё ближе и ближе к большому вражескому самолёту. Люди на берегу увидели, как сомкнулся просвет между самолётами и большая фашистская машина медленно стала разваливаться в воздухе. Но и ястребок с обломанным крылом вошёл в штопор и врезался в воду. Так погиб молодой патриот Яков Иванов, защищая родной Севастополь от немецких зверей. Младшему лейтенанту Иванову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Сержант Шелякин в предвечерних сумерках встретился с 12 немецкими самолётами. Умелым манёвром сержант атаковал один «Мессершмитт» и сбил его, а затем незаметно отвалил в сторону. Шедший вслед за ним вражеский самолёт был принят немцами за советский и обстрелян с дальней дистанции. Тот ответил тем же, и в темнеющем небе завязался бой между немецкими самолётами. Эта схватка кончилась тем, что к сбитому Шелякиным немецкому самолёту прибавилось ещё три.

Немцы при налётах на город, встретив сокрушительный отпор, обычно сворачивали в сторону моря, пытаясь уйти от зенитного огня и советских истребителей. Капитан Кожевников, зная этот приём немцев, частенько перехватывал врага и загонял его в воду. Однажды в такой схватке, убив стрелка и штурмана, Кожевников дал две очереди по лётчику, но — никакого результата. «Вот сволочь, — подумал Кожевников, — не иначе броневой спинкой укрыт», — и перенёс свой огонь по моторам. Это оказалось более действительным средством, и через несколько минут самолёт со страшным рёвом вошёл в пике и, под аплодисменты краснофлотцев проходившего мимо корабля, врезался в воду.

Особенно напряжённо приходилось работать лётчикам в последние недели осады Севастополя. Лётчик комсомолец Шанкарин за три дня сделал 18 боевых вылетов на бомбёжку войск противника, уничтожив сотни фашистских солдат и

офицеров. Пилот сержант комсомолец Конов после нескольких боевых вылетов сильно устал. Командир эскадрильи приказал ему итти отдыхать, но Конов решительно отказался. Он заявил командиру, что спать не хочет, и попросил разрешения снова итти в бой. Командир разрешил, и полчаса спустя Конов снова бомбил врага. Закончив боевой полёт, он вылез из кабины и свалился у капонира. Товарищи бережно отнесли его в землянку и стали осматривать, где раны. Но Конов был невредим — он спал глубоким сном.

Лётчик гвардии лейтенант Сиков нередко делал в день по 8—9 боевых вылетов, прогоняя фашистские самолёты от города и сбивая их. Однажды только за один вылет Сиков сбил два немецких самолёта. Старшие лейтенанты Рыжов и Авдеев неоднократно таранили вражеские самолёты. Оба они Герои Советского Союза.

Особенно большой ущерб нанесли врагу штурмовики эскадрильи Героя Советского Союза Губрия. Они по 5—6 раз в день вылетали на штурмовку немецких позиций, громили вражеские автоколонны в тылу, жгли фашистские самолёты на аэродромах. Славные штурмовики спускались до высоты 30—40 метров над окопами немцев и начинали их «утюжить» бомбами особого типа, огнём пушек и пулемётов. В декабре был случай, когда четыре наших штурмовика, ведомые Тургеновым, разгромили батальон немцев, застигнутый ими на переходе. Фашисты потеряли сотни солдат и офицеров, расстрелянных почти в упор огнём пушек и пулемётов. Штурмовики долго кружились над местом «казни батальона» (как образно выразился пленный румынский солдат) до тех пор, пока не израсходовали весь боезапас. Не случайно немцы называли штурмовики «крылатой смертью», «чёрными драконами» и т. д. Не случайно и то, что бойцы красноармейской части выделили специальную делегацию из лучших людей полка, для того чтобы пожать руки тем морским лётчикам, которые так хорошо бьют немцев. Особенно отличились лётчики-штурмовики Евграфов, Куликов, Тургенов, Николаев, Кошельков и ряд других славных пилотов. Пять-шесть боевых вылетов в день под бешеным огнём врага — обычная боевая норма лётчиков эскадрильи. Однажды ранним декабрьским утром штурмовики налетели на аэродром врага и сожгли около 20 фашистских самолётов. Славные штурмовики не раз ходили в бой и с немецкими истребителями, сбивая их. Штурмовиков смертельно боялись не только немецкие пехотинцы и танкисты, но и лётчики, почувствовавшие на своей шкуре силу удара этих замечательных машин.

Только за 11 июня 1942 г. штурмовики сбили 3 немецких самолёта, уничтожили 10 танков, 13 автомашин, 8 миномётных и 2 зенитные батареи и до 300 пехотинцев.

Много сделали лётчики морских гидросамолётов. Они вели разведку над морем, а по ночам бомбили немецкие позиции и тылы. Под бомбовыми ударами наших гидросамолётов взлетали на воздух эшелоны с боеприпасами, грузовые машины. Доставалось немцам и на переднем крае от бомб, сбрасываемых гидросамолётами. Боевой опыт показал, что эти сравнительно тихоходные машины оказались незаменимыми ночными бомбардировщиками. Лётчики этих самолётов умели не только метко бомбить, но и садиться ночью на воду без специального освещения. А это качество было особенно важным в условиях Севастополя, когда самолёты садились иногда в 500—1 000 метрах от врага.

Большую работу проделали и транспортные самолёты, доставляя осаждённому городу продукты, боеприпасы и увозя раненых. Сотни самолётовывлетов в Севастополь сделали наши замечательные почтовые самолёты ПС-84. Они нередко садились на повреждённый аэродром, обстреливаемый артиллерией.

Никогда не померкнет слава севастопольских лётчиков, показавших исключительную выдержку, стойкость и умение в боях за родной город.

НА КОРАБЛЯХ

Восемь месяцев дрались защитники осаждённого города. Они были отрезаны от «Большой земли» дугообразной линией фронта и морем. С моря приходили в Севастополь резервы, боеприпасы, продовольствие. Морем отправляли из города раненых, женщин и детей. Морем уходили на кавказский берег защитники славного города, когда Верховное Главнокомандование решило оставить город.

Корабли Черноморского флота обеспечивали все перевозки, охраняли транспорты и госпитальные суда от нападений вражеских подводных лодок и авиации. Огнём своих могучих орудий корабли поддерживали сухопутные части.

Тяжёлые снаряды корабельной артиллерии взрывали немецкие доты и дзоты, разрушали мосты, жгли вагоны, танки, автомашины. Один из крейсеров под командованием капитана 1-го ранга т. Зиновьева огнём своих дальнбойных пушек разгромил вражеский аэродром с самолётами. Только за один обстрел артиллеристы линкора «Парижская коммуна» уничтожили девять танков, несколько десятков автомашин и до двух рот пехоты.

Эсминец «Беспощадный» бил из своих орудий по переднему краю вражеской обороны. Снаряды ложились так метко и наносили врагу такой урон, что красноармейцы, наблюдавшие за действием корабельной артиллерии, попросили узнать, какой корабль так метко бьёт по врагу. Им сказали — эсминец «Беспощадный».

— Вот правильное название! — заявили красноармейцы.

Они попросили передать на корабль горячий привет военным морякам, умеющим так метко разить врага. Морские пехотинцы и красноармейцы Приморской армии всегда с

большой теплотой и горячей благодарностью отзывались о действиях кораблей.

Однажды вечером на вокзале станции Б. немцы пьянствовали, торжествуя «победу». Вокруг вокзала стояли танковые и мотопехотные части, а на путях — вагоны с боеприпасами. Вдруг послышался грозный нарастающий гул летящих снарядов, и несколько взрывов осветило площадь перед вокзалом. Загорелись автомашины. Снова послышался гул, и уже снаряды нескольких корабельных батарей стали рваться на территории вокзала. Вот блеснуло багровое пламя в здании буфета, со звоном посыпались стёкла, загорелись ящики с патронами, сложенные на площади. Немцы заметались, пытаясь растащить горящие вагоны, автомашины и танки. Но снаряды летели откуда-то издалека и продолжали рваться с неумолимой методичностью. Невидимый корректировщик находился где-то близко. Снаряды ложились с математической точностью. Загорелись вагоны с боеприпасами. В течение нескольких минут площадь вокруг вокзала превратилась в море огня и чёрного дыма.

Во время третьего штурма, когда немцы держали над городом в течение всего дня десятки самолётов, транспорты уже не могли подходить к городу. Боеприпасы, горючее, продовольствие и людские подкрепления пришлось подвозить в осаждённый город только на боевых кораблях. Для перевозок были использованы даже подводные лодки, которые приходили ночью, с рассветом погружались на дно бухты, лежали на дне весь день и только с наступлением темноты уходили обратно к кавказским берегам.

Фашистская авиация не раз пыталась бомбить и торпедировать наши военные корабли, но не добилась успеха. Надводные корабли умело отклонялись от торпед и бомб, нанося врагу большой урон своей зенитной артиллерией, а подводные лодки быстро погружались на глубину.

Успешно дрались с врагами не только моряки крупных и средних кораблей. Был случай, когда удары превосходящих сил врага отразили экипажи двух маленьких шлюпок, вооружённые только ручным оружием. Этот бой двух шлюпок с фашистскими торпедными катерами и подводной лодкой — ярчайшее свидетельство высоких боевых качеств советских моряков, их стойкости и выдержки в бою.

Две наши шлюпки-шестёрки с группой краснофлотцев под командой старшего лейтенанта Фёдорова возвращались с боевого задания в тылу врага. Было тихо. Шлюпки шли под вёслами. Вдруг из-за мыса вырвались два быстроходных

немецких торпедных катера, подлетели к шлюпкам, и фашистский офицер крикнул:

— Хальт!

Краснофлотцы ответили дружным огнём из винтовок и автоматов. Фашисты открыли огонь из пулемётов, но быстро отошли на безопасное расстояние. Покрутившись вокруг шлюпок, вражеские катеры ушли. Во время боя на шлюпках были ранены четыре краснофлотца. Усталые бойцы продолжали грести, медленно продвигаясь вдоль берега, занятого противником. Раненые бойцы помогали вычерпывать воду, набравшуюся в шлюпки сквозь пулевые пробоины.

Через час снова появились два немецких торпедных катера, вооружённые мелкокалиберными пушками и пулемётами. Катеры открыли огонь с дальней дистанции. Краснофлотцы снова ответили огнём винтовок и автоматов, целясь главным образом в рубки торпедных катеров. Бой длился 30 минут. Прямым попаданием вражеского снаряда был разбит борт одной шлюпки, убит краснофлотец Гарбищенко и тяжело ранен младший лейтенант Мельников. Немцы наседали. Краснофлотцы решили биться до последнего патрона, а когда не будет патронов, драться гранатами. Они подняли руки вверх, чтобы катеры подошли вплотную и можно было бы забросать их гранатами, взорвать себя и врагов. Но немцы не подошли. Они трусили и снова ушли ни с чем, а две шлюпки продолжали медленно продвигаться в сторону Севастополя.

Вскоре впереди шлюпок показалась рубка вражеской подводной лодки. Разведчики приготовились к бою. Лодка приблизилась на расстояние нескольких десятков метров. Офицер и двое матросов быстро вылезли из люка на палубу. Они пытались подбежать к пушке, чтобы расстрелять шлюпки. Но их встретили дружные залпы из винтовок и меткие очереди автоматов. Фашисты быстро пробрались обратно в люк, и лодка, покружив ещё некоторое время вокруг шлюпок, скрылась под водой.

Вскоре к шлюпкам подошли наши катеры и прибуксировали их в Севастополь. В этом бою немцы имели огромное превосходство в силах и могли подавить горстку бойцов, но не рискнули этого сделать, встретив решительный отпор.

Тысячи тонн боевых грузов доставили корабли в Севастополь. Десятки тысяч жителей города и раненых воинов перевезли они на Кавказское побережье. И все переходы совершались под огнём врага.

На один из небольших кораблей, который вёл капитан

2-го ранга Василий Ерошенко, в течение дня налетело 86 фашистских самолётов. Они сбросили на корабль до 400 бомб и десятка два торпед. Но ни одна бомба, ни одна торпеда не попала в корабль. Командир корабля так умело маневрировал, а зенитчики так метко били по фашистским самолётам, что корабль, несмотря на тяжёлые повреждения, полученные в результате подводных разрывов некоторых авиабомб, упавших близ корабля, дошёл до порта и высадил две тысячи женщин и детей, эвакуированных из Севастополя.

Подводные лодки должны были перевозить в Севастополь не только людей и боеприпасы, но и горючее для самолётов. Однажды подводная лодка под командованием капитан-лейтенанта Колтыпина доставила в Севастополь бензин. Она вошла ночью в порт, выгрузила бензин из цистерн и должна была лечь на грунт, чтобы ночью снова выйти из бухты и вернуться в один из портов Кавказского побережья.

Лодка погрузилась и легла на грунт. Через некоторое время выяснилось, что весь экипаж и несколько пассажиров, взятых на борт для эвакуации из Севастополя, отравлены парами бензина. Люди впали в тяжёлое обморочное состояние. Необходимо было всплыть и провентилировать отсеки. Только это могло бы спасти людей. Но немцы господствовали в воздухе. Они сразу же разбомбили бы лодку. Всплывать нельзя.

Дольше всех держались на ногах командир лодки Колтыпин и младший командир Пустовойтенко. Но вот свалился и командир. Люк лодки можно открыть только через четыре часа. Вот эти-то четыре часа и должен был выдержать главный старшина Пустовойтенко. Он понимал, что теперь от него зависит жизнь экипажа и целостность подводной лодки. Свалится старшина — никто не поднимет её, погибнут все, погибнет и лодка. Не выдержит старшина — всплывёт лодка раньше срока, налетят стервятники и разнесут её.

И главный старшина Пустовойтенко нечеловеческим усилием воли заставил себя выдержать. Он дождался сумерек и поднял лодку на поверхность. Собрав последние силы, он открутил барашки люка и отвалил тяжёлую крышку в сторону. Свежий вечерний воздух ударил в лёгкие, закружилась голова. Пустовойтенко медленно сполз по трапу и растянулся на палубе. Люди были спасены. Струя свежего воздуха врывалась в отсеки, воскрешая людей. Вскоре очнулся и сам старшина. Час спустя подводная лодка уже огибала мыс, держа путь на восток.

ГОРОД-ГЕРОЙ

Ещё задолго до войны севастопольцы любили называть свой город городом труда и обороны. Это название вполне соответствует замечательным делам жителей этого славного города. С первых же дней войны население быстро перестроилось на военный лад. Большая заслуга в этом принадлежит Городскому комитету обороны, работавшему в тесном контакте с Военным советом Черноморского флота, возглавлявшим оборону Севастополя.

Значительная часть населения была организована в дружины. В боевые дружины мобилизованы были все коммунисты и комсомольцы. Весь город был разделён на секторы, во главе которых стояли командиры из руководящего советского и партийного актива города. Каждый член дружины должен был не только уметь тушить пожары, ликвидировать разрушения, он должен был уметь и драться с врагом.

В каждом доме или в группе домов созданы были команды местной противовоздушной обороны, состоявшие преимущественно из женщин и подростков. Бойцы этих команд не только тушили пожары, разбирали завалы от разрушенных зданий, засыпали воронки от бомб и снарядов, но и помогали рабочим коммунальных предприятий чинить повреждённую электросеть, восстанавливать водопровод и т. д.

В середине мая, когда немцы готовились к третьему штурму города, подтягивая новые силы, Городской комитет обороны снова привлек население города к работам по устройству дополнительных укреплений — дзотов, противотанковых ежей, баррикад и т. д. На дело обороны работало всё население.

Все предприятия города, начиная от крупных и кончая мелкими кустарными артелями, работали на нужды фронта. Артель, раньше изготовлявшая кровати, в период осады стала изготовлять миномёты, корпуса мин, авиабомб, ручных гранат. Мастерские, изготовлявшие плиты, утюги и прочие предметы домашнего обихода, стали вырабатывать корпуса ручных гранат и противотанковых мин. Мастерские индивидуальной пошивки изготовляли обмундирование для защитников города.

Часть предприятий удалось разместить под землей, в тоннелях, каменоломнях, в древних пещерах и в подвалах крупных домов. Но значительная часть предприятий продолжала работать в обычных помещениях.

Спецкомбинат, созданный на базе морского завода и мастерских военного порта, до последних дней осады изготовлял оружие и боеприпасы. Севастопольцы прилагали все усилия, для того чтобы лучше снабжать всем необходимым воинов, отстаивающих город от фашистского зверья. Нередко рабочие, техники и инженеры приезжали на фронт и здесь в боевых условиях проверяли качество своего оружия и боеприпасов. Рабочие ходили в окопы, сами стреляли из миномётов или наблюдали действие мин, изготовленных их руками.

Краснофлотцы и командиры часто приезжали в глубокие штольни завода, вносили свои пожелания об усовершенствовании некоторых деталей оружия и боеприпасов. Возникали своеобразные производственные совещания, на которых мастера и воины обсуждали, как лучше готовить оружие и как наиболее эффективно использовать его для уничтожения врагов, осаждавших родной город.

Работа на предприятиях города велась круглые сутки. Во время воздушной тревоги рабочие оставались на местах. Бывало и так, что рабочим и работницам во время бомбёжек приходилось прерывать работу у станков, чтобы спасти от огня загоревшееся здание. Технорук завода «Молот» Дибров и секретарь партийной организации завода Орлов организовали специальную группу рабочих, которая не раз ликвидировала очаги пожаров.

Под огнём врага ловцы рыболовецких колхозов выходили в море и возвращались с богатым уловом. Часть рыбы, оглушённой взрывами бомб, собирали прямо в бухтах. Свежая рыба направлялась в госпитали, в столовые города и в воинские части.

Весной вся свободная земля вокруг Севастополя была

засеяна хлебными злаками, засажена овощами. Уже в мае — июне население города и раненые получали десятки тонн редиски, зелёного лука, щавеля. Урожай обычно снимали ночью. Днём на огородах в Золотой балке нельзя было работать. Фашисты били прямой наводкой из пушек по женщинам и детям, работавшим на огороде.

Когда начались массовые бомбёжки города и вышел из строя хлебозавод, Городской комитет обороны организовал печение хлеба в кустарных пекарнях, в подземельях и тоннелях. Торговая сеть также была перестроена, продовольственные и хлебные лавки были переведены из прежних помещений в более надёжные, укрытые от бомбёжек и артиллерийского обстрела.

Врагу не удалось запугать население бомбёжками. Они лишь вызвали ещё большую ненависть и злобу к врагу со стороны защитников Севастополя. После особенно зверской бомбёжки 2 июня, когда только в черте города было сброшено 3 500 фугасных и много тысяч зажигательных бомб, Городской комитет обороны провёл митинги на предприятиях и в учреждениях города. Рабочие, служащие, домохозяйки единодушно заявили, что в ответ на злодеяния фашистских разбойников они ещё лучше будут работать, помогать фронту. Предприятия города взяли на себя обязательство ещё больше дать продукции фронту, лучше обслуживать фронт. Хорошо работали в этот напряжённый период связисты, электрики, пожарные, медицинские работники, бойцы МПВО.

Всё население города было мобилизовано на борьбу с пожарами, с последствиями бомбардировок. Комсомольцы городского почтамта отстояли своё здание от пожара, хотя вокруг него почти все кварталы были разрушены или выгорели дотла.

Пионер Серёжа Фильченко во время жестоких бомбёжек не слезал с крыши своего дома. Однажды он сбросил с крыши на улицу и на двор до десятка зажигательных бомб и, несмотря на ранение, отстоял свой дом. Комсомолки санитарной дружины Лозовая, Панасенко, Ковальская под огнём врага выносили из разрушенного здания раненых, оказывали им первую помощь и, сдав их санитарам, снова шли откапывать из-под обломков зданий раненых женщин и детей.

Катеры городского парсходства и буксиры военного порта продолжали свою работу зачастую под прямым обстрелом немецких орудий. Рабочие и служащие буксиров, катеров, складов, пекарен, прачечных, бань и других предприятий

военного порта, обслуживавших фронт, с честью выполняли свой гражданский долг перед родиной. Под обстрелом врага и частыми бомбёжками они продолжали выполнять свои обязанности. Вольнонаёмный капитан портового буксира Т. Г. Сапега при выполнении задания командования был убит. На его место встал раненый помощник капитана комсомолец Анатолий Иванчук. Когда задание было выполнено и буксир пошёл в порт, Иванчуку предложили сойти для лечения раны. Он отказался. Придёт буксир к стенке для погрузки топлива, сестра перевяжет ему рану, и снова утлый кораблик ходит по бухте под огнём врага, а раненый комсомолец Иванчук не сходит с мостика. Так же стойко работала и вся вольнонаёмная команда буксира.

Когда у штаповщицы Анастасии Чаус взрывом бомбы сторвало левую руку, начальник мастерской предложил ей эвакуироваться на Кавказ. Она не уехала из Севастополя, осталась в осаждённом городе и продолжала работать одной рукой. Мужественная патриотка вскоре и одной рукой стала выполнять 2—3 нормы в день.

Когда фашистские войска заняли всю Северную сторону, они стали бить по городу из миномётов и крупнокалиберных пулемётов. В связи с этим Городской комитет обороны 20 июня вынес специальное решение о размещении жителей, предприятий, учреждений, командных пунктов МПВО и т. д.

Со всех улиц, находящихся в непосредственной близости к Северной бухте, население, предприятия и учреждения были переселены в другие части города, имевшие больше надёжных укрытий, штолен, капониров, подвалов с бетонными перекрытиями. По наиболее обстреливаемым улицам отрыли ходы сообщения или построили защитные стенки из камня, не пробиваемые пулями и осколками мин.

Как и в первую оборону Севастополя в 1854—1855 гг., когда матросские и солдатские жёны помогали мужьям, подносили на бастионы мешки и туры с землёй, перевязывали раненых, копали рвы, носили воду, — так и в дни второй обороны жёны военных моряков, рабочих и служащих оказали неоценимую услугу в защите города. Они копали рвы, строили дзоты, разбирали завалы, помогали рабочим чинить водопровод, канализацию, электросеть, стирали бельё для лазаретов, шили обмундирование.

Севастопольцы с честью выдержали трудные дни осады. Подлый враг разрушил один из красивейших городов нашей страны, но он не подавил духа его защитников, не подавил их воли к борьбе.

Севастопольцы не были одиноки в своей борьбе. Они опирались на крепкий советский тыл. Их поддерживала вся страна.

Тысячи писем, телеграмм, приветствий шли с «Большой земли» в осаждённый Севастополь. И каждое слово приветия было согрето любовью к верным защитникам славного города.

Севастопольцам писали товарищи по оружию, стахановцы предприятий, представители советской интеллигенции, защитники героического Ленинграда и многие, многие другие.

«Мы восторгаемся вашей мужественной борьбой с фашистскими бандитами», — писали балтийцы.

«Личный состав Северного флота восхищён стойкостью и героизмом наших славных братьев-черноморцев. Мы внимательно следим за вашими славными делами и усиливаем удары по фашистскому флоту и армии здесь, на Крайнем Севере — правом фланге Великой отечественной войны», — писали североморцы.

Командование Тихоокеанского флота от имени всех краснофлотцев, командиров и политработников флота горячо приветствовало славных защитников Севастополя: «Ваша слава, бесстрашие, великая любовь к матери-родине войдут яркими страницами в историю человечества».

«Мы учимся у вас, герои Севастополя, мужеству, бесстрашию и умению бить врага», — писали моряки Каспийской военной флотилии.

Печать всех демократических государств мира с исключительной теплотой отзывалась о защитниках города-героя.

Военный обозреватель газеты «Нью-Йорк Таймс» Болдуин писал, что оборона Севастополя яркой страницей навсегда войдёт в историю. Доблестные защитники города нанесли немцам тяжёлые потери и дали Советскому Союзу выигрыш драгоценного времени.

«Во время осады русский солдат проявил все свои лучшие качества. Он сражался в самом критическом положении, в условиях самых невероятных трудностей, будучи воодушевлён верой в правоту своего дела», — писала шведская газета «Социал-демократен».

Гарнизон далёкой Мальты прислал защитникам Севастополя приветствие, в котором с восхищением отзывался об их доблести. Мальтийцы писали: «Отпор, который защитники города дают врагу, добавляет новые лагры к историческому имени Севастополя».

«Мы отдаём должное блестящему вкладу в общее дело,

сделанному Севастополем. Севастополь стал синонимом безграничного мужества, его оборона безжалостно смешала германские планы. В течение длительного времени Севастополь возвышался, как меч, острие которого было направлено против захватчиков», — писала в передовой статье английская газета «Таймс».

За время, прошедшее после славной севастопольской обороны, Красная Армия нанесла врагу тяжёлые военные поражения. Немецко-фашистские войска потерпели крупнейшее в военной истории поражение под Сталинградом. Красная Армия разгромила немецкие войска на Северном Кавказе и Кубани, нанесла им ряд тяжёлых поражений в районе среднего Дона и Воронежа, на Центральном фронте и в районе Демянска. Мощным ударом Красная Армия прорвала блокаду Ленинграда. Отбросив врага на запад, Красная Армия в течение зимней кампании 1942/43 г. освободила большую территорию, в том числе районы, имеющие важнейшее экономическое и военно-стратегическое значение. Противнику нанесён был огромный урон в живой силе и технике.

В начале июля 1943 г. немецко-фашистское командование бросило свои войска в наступление на советско-германском фронте. На Орловско-Курском и Белгородско-Курском направлениях развернулись ожесточённые бои, в ходе которых наши войска, измотав и обескровив отборные дивизии немцев, не только отбросили врага, но решительными контрударами прорвали его оборону, перешли в наступление и одержали крупнейшую победу, заняв города Орёл и Белгород.

Эти победы Красной Армии подготовлены были всем ходом Отечественной войны. Мужественная, стойкая оборона городов-героев — один из важнейших факторов, способствовавших этим успехам Красной Армии. «Навсегда сохранит наш народ память о героической обороне Севастополя и Одессы, об упорных боях под Москвой и в предгорьях Кавказа, в районе Ржева и под Ленинградом, о величайшем в истории войн сражении у стен Сталинграда. В этих великих сражениях наши доблестные бойцы, командиры и политработники покрыли неувядаемой славой боевые знамёна Красной Армии и заложили прочный фундамент для победы над немецко-фашистскими армиями» (Сталин).